

Оуэн
Локканен

A group of hikers with backpacks are silhouetted against a bright, hazy sky. They are standing on a rocky ledge that forms part of a large, dark, jagged cliff. The cliff face is textured and appears to be made of layered rock. The hikers are positioned at various points along the ledge, some looking out, others adjusting their gear.

Взлушья

Теперь ты в Стае.
Прими это — иначе
охота будет
объявлена на тебя.

Оуэн Локканен

В глуши

Серия «Neoclassic: Расследование»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68520609

В глуши:

ISBN 978-5-17-139553-7

Аннотация

Семнадцатилетняя Дон мало чем отличается от своих сверстников, просто ей приходилось принимать неверные решения и рядом с ней оказывались не те люди... Но она не ожидала, что мать и отчим отправят ее в лагерь «Второй шанс». Там трудные подростки под руководством опытных наставников проводят время в дикой природе, отправляясь в шестидневные походы с минимальным набором еды и снаряжения...

И в одном из таких походов случается неожиданное: наставница группы Дон погибает в результате несчастного случая. Тогда один из парней, Уорден, предлагает остальным самостоятельно выбраться из лесов и начать новую жизнь, такую, как им захочется...

Однако все уже пошло не по плану. И чем дальше – тем хуже. А для некоторых участников еще и опаснее.

Содержание

1	6
2	7
3	8
4	9
5	12
6	14
7	16
8	18
9	21
10	23
11	29
12	31
13	35
14	38
15	42
16	45
17	49
18	53
19	55
20	60
21	62
22	67
23	71

24	73
25	76
26	78
27	79
28	81
29	84
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Оуэн Локканен

В глуши

Owen Laukkanen

THE WILD

© Owen Laukkanen, 2020

Школа перевода В. Баканова, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

*Джею и дяде Даррену, которые готовы
поддержать любую дикую выходку*

1

Это история о трудной девчонке, семья которой заплатила кучу денег, чтобы отправить ее в глушь вместе с другими такими же трудными подростками в надежде каким-то образом сделать их менее трудными.

И вот что вышло.

Кто знает, может, такой вариант изберут и ваши родители.

А эта история о том, что бывает, когда все

идет

наперекосяк.

2

Знакомьтесь: это Дон. Она и есть та самая трудная девчонка. Дон станет и главной героиней, и даже зрительницей этой маленькой авантюры.

Ей семнадцать лет, и в целом она вполне нормальная. Живет в Сакраменто с наркодилером по имени Джулиан, который почти в два раза старше нее.

Именно поэтому Дон часто стала ссориться со своей мамой, Венди. Венди не хочется, чтобы Дон жила с наркодилером. Ей хочется, чтобы Дон ходила в школу, а не шаталась обдолбанная по клубам. Ей хочется, чтобы Дон жила дома – вместе с ней, Брайсом, младшим братом Дон, и отчимом Кэмом.

Дон любит своего брата.

Она и маму в общем-то любит.

А вот Кэма Дон не любит. Она в бешенстве, оттого что мама в него влюбилась. Папы не стало всего два года назад, еще слишком рано искать ему замену.

Даже находиться рядом с Кэмом для Дон невыносимо. В такие моменты ей кажется, что она предает папу. Ее чертовски бесит, что больше никто этого не понимает, что мама так быстро оправилась от горя.

Вот почему она живет с Джулианом.

Вот почему она растрчивает свою жизнь впустую.

3

История с Кэмом, Венди и Дон больше похожа на настоящую семейную сагу. Вам необязательно знать кровавые подробности. Достаточно заметить, что эта история в основном об истериках и оскорбленных чувствах.

В ней много про неудачное врачевание душевных ран и прогулы школы.

И в ней много *Джулиана*.

Кэм и Венди пытаются вернуть Дон домой. Заставить снова ходить в школу. Меньше пить и торчать. Реже видаться с Джулианом. И быть нормальной.

Пока что все попытки Кэма и Венди с треском проваливались.

Но в их арсенале осталось еще одно оружие.

Так сказать, последний шанс.

И он *здорово* подпортит жизнь Дон.

Это самое настоящее похищение.

Кэм с Венди приходят к дому Джулиана на рассвете. Когда Кэм стучит в дверь, Дон с Джулианом лежат на диване и вроде как смотрят мультики, но это только на первый взгляд. Дон слишком обдолбана, чтобы встать с дивана. Она отправляет к двери Джулиана, слышит, как дверь открывается, до нее доносятся голоса: сначала Джулиана, потом еще чей-то и снова Джулиана.

Затем Джулиан возвращается, почесывая затылок и избегая взгляда Дон.

– Твой отчим, – мямлит он. – Сказал, что если ты не поговоришь с ним, он вызовет копов.

Дон понимает, что выглядит кошмарно. Она лет сто не мылась, на голове полный хаос, а вместо платья длинная футболка Джулиана с надписью «Короли Гастауна».

– Чего надо? – буркает она отчиму. За его спиной, у минивэна, стоит мать: руки скрещены на груди, смотрит куда угодно, только не на дом.

(Дон интересно, где же Брайс; впрочем, хорошо, что младший брат ее не видит – такой.)

Кэм стискивает зубы, словно уже репетировал этот момент. Может, и репетировал.

(Ничего плохого в Кэме, в принципе, нет. Ну то есть он-

то уж точно не виноват, что папа Дон умер. Кэм бухгалтер и в целом человек совсем безобидный, он мог бы даже понравиться ей, если бы был, скажем, ее *учителем*, а не делал вид, что вправе воспитывать.)

– Ты должна поехать с нами, – говорит Кэм.

Дон закатывает глаза и отвечает:

– Я никуда с тобой не поеду. Не заставишь.

Кэм смотрит на нее беспомощно. Его рот открывается и тут же закрывается, будто отрепетировать до этого момента он не успел.

За спиной Дон появляется Джулиан.

– Думаю, тебе лучше поехать, – обращается он к ней.

Дон тут же вскидывается на него: какого хрена? Джулиан пожимает плечами. Кэм смотрит на него так, будто хочет съездить ему по морде.

(Джулиан в два раза крупнее него.)

И Кэм просто кивает: *мол, слушай, парень дело говорит*. А вслух произносит:

– Никому не хочется вмешивать полицию, Дон.

Кэм знает, как надавить.

Если приедет полиция, они найдут нычку Джулиана. Они найдут самого Джулиана, а вместе с ним и Дон.

Джулиану, конечно, этого всего не хочется.

Так что Джулиан предает ее. Практически выпихивает на

улицу.

Дуй к родителям, Дон.

Да пошел ты!..

Однако Дон не устраивает скандал. Такое случилось и раньше. Сейчас, наверное, Кэм и Венди засунут ее в свой минивэн и, как всегда, увезут домой. Это очередная дурацкая попытка Кэма доказать, что он подходит на роль отца, так что она притворится на пару дней, что не против, а потом снова улизнет и будет делать что хочется.

Только в этот раз постарается, чтобы Кэм и Венди больше ее не нашли.

Вот о чем думает Дон.

Но она ошибается.

Кэм везет ее в аэропорт.

– С хрена ли это стало законно?

Сидящая в соседнем кресле в самолете Венди не проронила ни слова. Она молчит почти весь полет и не отвечает на вопросы Дон.

(Типа почему мы в самолете?)

(Почему Кэм не полетел?)

(Зачем ты собрала мне сумку?)

Дон видит, что Венди держится изо всех сил. Делает вид, что владеет ситуацией, что она строгая мать, но эта роль ей не подходит. Она слишком хорошая.

Но она все равно пытается быть жесткой, и это определенно требует немалых усилий. Глядя на нее, Дон искренне переживает.

(Что бы это ни было – именно *ты* довела ее до этого.)

(Она ведет себя так именно из-за тебя.)

Может, поэтому Дон и не закатила сцены. Может, поэтому она не стала психовать и кричать: «Помогите! Меня похищают!», когда Кэм оставил их в аэропорту. Так или иначе, Дон ничего такого не сделала.

Она натянула шорты, которые Венди достала из ее сумки, посмотрела, как Кэм обнял Венди на прощание и уехал, последовала за матерью сначала в аэропорт, потом в самолет, села у иллюминатора и дождалась приземления.

И вот они в аэропорту Сиэтла. Уже ночь. У багажной ленты стоит мужчина с табличкой, на которой написано имя Венди. Ему лет сорок, он загорелый, в синей флисовой куртке с надписью «ВТОРОЙ ШАНС».

Он пожимает руку Венди.

Дон руки он не протягивает.

– Идемте, – говорит он, – моя машина на парковке.

Парня в куртке зовут Стив. У него белый фургон, на боку красуется та же надпись, что и на куртке.

«ВТОРОЙ ШАНС».

Стив закидывает сумку Дон в фургон и снова поворачивается к Венди.

– Обычно требуется месяца два-три. Это от ребенка зависит. Подвезти вас до отеля?

Венди отрицательно качает головой. Бормочет что-то про автобус.

– Ладно. – Стив снова жмет ее руку. – Будем на связи.

Дон не понимает: то ли она все еще под кайфом, то ли до конца не проснулась. Никак не сообразит, что происходит. Тут Венди обнимает ее и говорит, что любит.

У нее все равно не получается смотреть Дон в глаза.

Потом Венди уходит, а Стив открывает пассажирскую дверцу фургона и жестом приглашает Дон сесть.

– Только ты и я, – говорит он. – Твоя мама уже не вернется.

Дон не сбегает.

Она *думает* о побеге, но куда ей бежать? Она, черт возьми, в *Сиэтле*. И даже собственная мать не хочет с ней связываться.

К тому же ей немного любопытно.

Она садится в фургон вместе со Стивом.
А зря.

По дороге Стив включает радио. Какая-то старая нудная мелодия. Они едут долго – за город, все дальше и дальше, в непроглядную глушь. Дорога петляет и поднимается в горы. Стив не останавливается ни у одного знака, так что у Дон нет возможности выпрыгнуть. Он не сворачивает у заправок, не спрашивает, надо ли ей в туалет.

– Куда вы меня везете? – спрашивает Дон.

Стив бросает на нее короткий взгляд. Он насвистывает в такт мелодии, играющей по радио, и это отчаянно бесит.

– Увидишь, когда доберемся, – отвечает он и больше не собирается ничего объяснять.

Они едут довольно долго. Но наконец останавливаются.

Местом назначения оказывается пара маленьких уродливых домишек. Между домами на столбе висит ярко-желтый фонарь, из окна пробивается тусклый свет. На табличке у окна надпись: «ВХОД ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ».

Стив паркует фургон, глушит мотор, выходит и ждет у дверцы, пока Дон вылезает из машины и осматривается.

– Идем, – роняет он ей, направившись к зданию со светом в окне.

Дон остается на месте. Она все еще оглядывается по сторонам. Всматривается в темноту за границами света от фонаря, раздумывая, что будет, если она сбежит, скажем, пря-

мо сейчас.

Стив читает ее мысли.

– Мы вернем тебя обратно. Или не вернем. Но уж поверь, ты предпочла бы первый вариант.

Он снова показывает на здание.

– Идем.

Дон плетется следом.

– Таня, я привез тебе нового Медвежонка.

За столом перед монитором старенького компьютера сидит женщина. Она моложе Стива. Волосы собраны в хвост под бейсболкой. На бейсболке надпись «ВТОРОЙ ШАНС». Такая же, как на куртке Стива.

И на фургоне.

Когда входит Дон, Таня встает и оглядывает ее с ног до головы.

– Ясно, – наконец говорит она, явно удовлетворенная увиденным. – Иди за мной.

Дон оглядывается на Стива, но тот подходит к столу и делает вид, что не замечает ее. Так что ей ничего не остается, как пройти за Таней вглубь домишки. Пустая комната, яркий белый свет, ни одного окна. Стол и два стула. В одном углу гора барахла: ремни, веревки и какой-то брезент. Дон внимательно рассматривает вещи из кучи. Когда она снова поворачивается к Тане, та натягивает резиновые перчатки.

(Какого хрена?)

– Добро пожаловать во «Второй шанс», – говорит Таня. – Для трудных подростков мы создали лучшую в Америке программу реабилитации в дикой природе. Твои родители отправили тебя к нам, потому что считают, что мы можем тебе помочь.

(Да какого хрена?)

– С этого момента ты одна из наших Медвежат, – продолжает Таня. – Будешь участвовать в программе, пока не достигнешь уровня Гризли. А для этого тебе придется усердно трудиться. Ты научишься ответственности, узнаешь, как выживать в дикой природе.

– Понятно, – говорит Дон. – Это, конечно, полная *жесть*. Таню будто прорывает. Она смотрит прямо в глаза Дон.

– Ты здесь, потому что еще есть те, кому на тебя не плевать. Наша программа действительно работает. Ты выйдешь отсюда совершенно другим человеком.

Дон хочется залепить ей пощечину.

– Да вы чокнулись, если думаете, что я на это подпишусь! Значит, им на меня не плевать? Из-за них-то я и оказалась в заднице!.. Я хочу домой.

Но Таня кажется невозмутимой.

– Ты поедешь домой, когда добьешься прогресса здесь, – говорит она Дон. – И ни минутой раньше. Поверь мне, будет лучше, если ты просто это примешь. – Таня проверяет целостность перчаток. – Ничего из внешнего мира не окажется за пределами этой комнаты. Раздевайся.

То, что произошло дальше, слишком унижительно, чтобы описывать. Достаточно сказать, что Дон вышла из маленькой грязной комнатенки без одежды, в которой она пришла, и без своего телефона, а Таня – в полной уверенности, что при Дон не осталось ни грамма дури.

– Медвежата носят желтое, – говорит Таня, передавая Дон пару штанов карго и желтую футболку. – В этом тебя будет проще найти, если ты отстанешь от Стаи.

– Какая, на хрен, стая? Вы куда меня отправляете?

– Скоро сама узнаешь, – отвечает Таня и жестом показывает на кучу хлама в углу. – Вот твои остальные вещи. Сама решай, как их нести.

Дон в изумлении смотрит на гору вещей. До нее никак не доходит смысл сказанного.

– Вернусь через десять минут и отведу тебя в лагерь. Уда-
чи.

СПИСОК ХЛАМА, ВЫДАННОГО ДОН:

1. Кусок брезента
2. Шерстяное одеяло (колючее)
3. Веревка (20 футов)
4. Ремни
5. Спальный мешок
6. Туристический коврик
7. Нижнее белье – две пары (уродское)
8. Носки – две пары
9. Желтая футболка
10. Желтая флисовая куртка
11. Дождевик
12. Непромокаемые штаны
13. Спички
14. Кружка
15. Тарелка
16. Походная ложка-вилка
17. Рис (1 пачка)
18. Чечевица (1 пачка)
19. Изюм (1 пачка)
20. Овсянка (1 пачка)
21. Зубная щетка

22. Туалетная бумага (1 рулон)

23. Книга «Выживание в диких условиях»

24. Книга «Как не стать чьей-то пищей»

25. Книга: «Правила и распорядок “Второго шанса”»

– Походный рюкзак тебе еще нужно заслужить, – говорит Таня, когда Дон, шатаясь под тяжестью выданного барахла, вываливается из домишки.

(Она связала вещи веревкой и ремнями, но они все равно так и сыплются на каждом шагу. Таня помощи не предлагает.)

– А как проще всего что-то заслужить? – продолжает она, ведя Дон обратно к белому фургону. – Почитай правила. Запомни их. И не будь идиоткой.

– Вот так я и оказалась в этой чертовой дыре.

Через четыре дня после своего похищения Дон все еще ходит в дурацкой бананово-желтой футболке Медвежат и по-прежнему роняет выданный ей хлам, замотанный в кусок брезента. Иногда ей все еще кажется, будто весь этот ад – просто дурной сон или галлюцинации и скоро она опять очнется в луже собственных слюней на диване у Джулиана.

А сейчас она сидит, еле удерживаясь, на неудобном, покрытом шишковатыми наростами стволе поваленного дерева перед едва разгорающимся костерком, медленно подыхая от голода вместе с остальными – в кавычках – Медвежатами, и ждет, пока наставники закончат проверять их палатки перед отбоем.

У Дон палатки по-прежнему нет – пока не заслужила, – так что ей приходится сооружать некое подобие укрытия из куска брезента, а под ним расстилать спальный мешок. Ухищрения с «развешиванием хрени» ей никак не удаются, так что утром она просыпается либо от упавшего на лицо грязного брезента, либо от пронизывающего до костей холода и сырости, если брезент задувает куда-то в кусты. Начался сентябрь, и в горах штата Вашингтон гораздо холоднее, чем в Сакраменто; когда Дон не мучается от голода, она мерзнет до мозга костей.

В группе еще шестеро ребят. Четыре парня и две девушки. Все они разного возраста и из разных мест, но выглядят одинаково жалко.

Угрюмые.

Злые.

Уставшие.

Никто в группе особо не болтает – нет ни времени, ни сил. С самого приезда Дон, а может, вообще всю вечность, они только и делают, что шагают через бесконечные дождевые леса и карабкаются через горы. Большую часть времени им очень холодно, а остальное время – невыносимо жарко, вокруг странные насекомые и пауки, возможно – еще и пумы с медведями. У Дон ноет спина, потому что каждый раз, когда она закидывает на себя вещи, в спину врезается веревка, которой они обвязаны. Она голодает, так как вся ее пища – это рис, изюм и чечевица.

(У некоторых ребят есть энергетические батончики, какие-то дегидрированные блюда и даже шоколад, однако Дон подозревает, что такие ништяки тоже надо заслужить.)

Мышцы ног невыносимо ноют от постоянной ходьбы, лодыжку Дон растянула, споткнувшись о корни дерева, сама

она грязная и воняет, до смерти устала справлять нужду в кустах и носить каждый день одно и то же белье, но, как сказал один из парней их группы, Лукас, в этом и суть «Второго шанса».

– Это терапия дикой природой, – говорит ей Лукас. – Ты же слышала про курсы молодого бойца и все такое, да? Непослушных детей посылают в армейскую школу, чтобы сержантская муштра выбила из них всю дурь. Вот тут та же фигня, только лагерь у нас мобильный. – Он показал куда-то в сторону наставников. – А из этих двух тупиц вышли бы стремные сержанты.

Суть в том, объясняет Лукас, что ты почти без передышек ходишь по лесам, постепенно повышая свой статус от Медвежонка до Гризли, а как станешь Гризли – можешь ехать домой.

– Обычно это занимает два-три месяца, иногда больше, – поясняет он. – Но не меньше, по крайней мере я о таких случаях не слышал.

На Лукасе футболка красного цвета. Это значит, что он стал Черным Медведем, хотя почему Черный Медведь носит красное, Дон абсолютно непонятно, пока она не осматривается повнимательнее и не замечает, что футболки всех ребятах в Стае ярких цветов вне зависимости от их статуса. Бурые Медведи носят оранжевый.

– Мы в лесу, – говорит Лукас. – По ярким цветам тебя будет проще найти, если ты сбежишь.

– Или найти твое тело, если помрешь, – добавляет девчонка по имени Кайла, закатывая глаза.

Кайла – Белый Медведь. Белые Медведи носят синий.

Черные Медведи на две ступени выше Медвежат. Бурые Медведи между Медвежатами и Черными Медведями, а Белые – на ступень выше Черных. А на вершине пирамиды – Гризли, которые носят что хотят, потому что их отпускают домой. Лукас здесь уже почти месяц, у него все в порядке.

А Кайла тут три месяца. Так что у нее дела обстоят не так хорошо.

– Тебя могут вернуть к предыдущей ступени, – объясняет она Дон. – Я как-то потеряла свою пачку риса, и нам пришлось сократить поход – так меня снова понизили до Черного Медведя, как будто мне не плевать. Да что меня ждет дома? А ходить по-маленькому в кусты мне несложно.

Кайла оказалась тут, потому что воткнула ручку в горло ухажера своей матери, когда он стал распускать руки, а судья дал ей выбор: в тюрьму или сюда.

– Все белые такие тупицы, – продолжает она. – Взять хотя бы вашу систему наказания. Мы же как будто на прогулке. На природе. Вокруг горы, деревья и прочая хрень. Да это я, черт возьми, должна трясти с ваших родаков деньги, чтобы увезти вас в свой город и заставить прожить там хотя бы неделю. Там даже эти ваши нарядные желтые футболки не напялить.

Однако у Кайлы была и палатка, и новый симпатичный рюкзак. Ее обувь удобнее, чем у Дон, а дождевик толще.

Белые Медведи это заслужили.

Дожди пока не зарядили, но в штате Вашингтон уже сентябрь. Судя по тому, что слышала Дон, дожди все-таки скоро польют и не прекратятся до самого мая. *Чудненко.*

В Стае есть еще один Белый Медведь – высокий задумчивый парень по имени Уорден. Также есть два Бурых и один Черный.

Второго Черного Медведя зовут Бриэль. Она особо ни с кем не общается и ни на кого не смотрит, зато бодро шагает. Всегда в голове Стаи.

Дон же всегда плетется сзади, всегда еле дышит, сильно потеет в своей желтой футболке и молится об очередном привале.

Бурых Медведей зовут Эван и Брендон. Они идут вместе и ставят свои палатки рядом, а когда наставники отвлекаются – травят шутки, делают вид, что борются, и устраивают дикий кавардак. Они среднего роста и выглядят вполне за-

урядно. Дон путает их имена. Они с ней особо не общаются, однако порой, когда она собирает сучья для костра и вдруг оглядывается, то замечает на себе их взгляды и даже не сомневается, что они говорят именно о ней, отчего ей становится даже жутковато. Она крепит свой брезент подальше от них и старается их избегать.

Лукас, Кайла, Бриэль. Уорден, Эван, Брендон. Вот из кого состоит Стая Дон, и это все, что пока ей известно. Очевидно, что все они трудные подростки, иначе их бы тут не было. Все они совершили нечто настолько плохое, что заслужили изгнание в этот дождевой лес. Но кто они такие и на что именно способны? Дон собирается выждать и выяснить это.

И у нее получится.

Медвежью Стаю в лесу сопровождают два наставника. Один из них – парень по имени Кристиан: высокий как бог и худой как скелет. Ему лет тридцать, он больше походит на забытую после Хеллоуина декорацию и говорит низким до жути голосом. Знаю, нельзя судить людей по их внешнему виду, но и так некрасивый Кристиан кажется полным уродом, потому что характер у него тоже мерзкий.

Кайла говорит, что именно он понизил ее до Черного Медведя после истории с рисом. Еще Кайла говорит, что дело тут не столько в рисе, сколько в желании Кристиана удерживать Кайлу в Стае как можно дольше из-за его странной тяги к ней. Дон не уверена, что так оно и есть; впрочем, Кристиан и правда часто разглядывает Кайлу и делает ей неуместные замечания о ее внешности, одежде и так далее.

Вполне возможно, что Кристиан действительно урод – вот о чем я.

Второй наставник – девушка по имени Эмбер (таких *все-гда* называют Эмбер). Она моложе Кристиана, меньше ро-

стом и красивее. По словам Лукаса, у нее какая-то степень в области изучения развития молодежи или что-то вроде того, что тоже выгодно отличает ее от Кристиана, диссертация которого, скорее всего, называлась «Что значит быть дебилом».

Эмбер довольно строгая, однако не придирается по пустякам. Например, когда Дон к концу дня тащится в самом хвосте Стаи, Эмбер подходит к ней, но не начинает тут же орать, а пытается словами и интонацией показать, как важно, чтобы Дон не раскисала. Именно Эмбер проверяет, чтобы по утрам каждый сделал все свои дела, собрал вещи и был готов двигаться дальше, пока Кристиан либо еще спит, либо сидит у костра, пьет кофе и «следит» за ними.

Эван и Брендон иногда огрызаются в ответ Эмбер, Уорден и Кайла обычно ее игнорируют, а Дон ее слушается, как и Лукас с Бриэль, хотя Дон не уверена – то ли они уважают Эмбер, то ли просто не хотят вмешательства Кристиана.

Вот такие у них наставники. Кристиан полный урод, а Эмбер молодец. Один из них точно умрет.

Но пока все живы и еще ничего не случилось, я немного расскажу вам о жизни Стаи, о том, как проходят их дни, чтобы вы нашли что-то общее с героями, привязались к ним и поняли, за кого будете переживать, когда все полетит вверх тормашками.

Сейчас, например, наша пестрая компания отщепенцев распределилась вокруг чахлого костра, мечтая о вопере из «Бургер Кинга», буррито и пицце с двойным сыром. Тьма вокруг сгущается, а Эмбер и Кристиан проверяют палатки-укрытия перед отбоем.

Дон рассказывает свою Историю: как ее мать и отчим выманили ее из дома Джулиана, похитили и привезли сюда. Лукас и Кайла слушают и кивают; похоже, даже Бриэль хочет принять участие в разговоре, но не выходит: как только она открывает рот, из сумрака к костру выходит Кристиан и впиивается своими безумными глазами в Дон.

– Медвежонок, – говорит он, – твое укрытие развалилось. Иди ставь снова.

Дон про себя стонет, через секунду встает, обходит костер и идет в темноту за Кристианом, пытаясь не думать о том, как он смотрит на Кайлу, и надеясь, что он не начнет смотреть так же на нее.

Ничего подозрительного: он просто ведет Дон через кусты

к Эмбер, к тому месту, где Дон натянула свою ярко-оранжевую веревку между стволами двух деревьев и перекинула через нее брезент. Сегодня ветрено, так что каждый уголок брезента она придавила камнем, однако затея не выгорела, теперь брезент наполовину слетел, а рядом с ним стоит Эмбер, подсвечивая фонариком спальный мешок Дон и весь остальной скarb.

– Не лучшее убежище, Дон, – говорит Эмбер, и при тусклом свете Дон замечает, как та качает головой и плотно сжимает губы. – На следующей неделе начнутся дожди, и если ты не хочешь сидеть в сырости, то научись мастерить укрытие понадежнее.

Дон смотрит на Эмбер.

– У всех остальных есть нормальные палатки, – говорит она. – Никакой проблемы не было бы, если бы мне дали палатку, как остальным.

Кристиан то ли фыркает, то ли усмехается за ее спиной.

– Палатку еще надо заслужить! – Он разворачивается и уходит.

Эмбер и Дон смотрят ему вслед. Потом черты лица Эмбер смягчаются.

– Продолжай тренироваться, – говорит она Дон. – Если в течение недели твое убежище не будет разваливаться, мы выдадим тебе палатку, когда в следующий раз пойдем за припасами, хорошо?

Дон закатывает глаза.

– А фонарик? – спрашивает она, когда Эмбер уходит, забрав фонарик с собой и оставляя Дон возиться с брезентом в темноте. – Можно мне хотя бы немного света?

Где-то вдалеке снова хихикает Кристиан.

– Его тоже надо сначала заслужить, – бросает он, и они вместе с Эмбер исчезают, пока Дон вслепую копошится у своего брезента, думая, как она может что-то заслужить, если ей не оставили даже света.

Дон сражается с куском брезента. В спальный мешок и на остальные вещи падают комья грязи, она чешет руки и пытается нащупать в кустах камни побольше, чтобы снова закрепить углы брезента. Становится совсем темно. Слышно, как Кристиан и Эмбер объявляют остальным членам Стаи об отбое. У Дон не получается найти большие камни, края брезента полощутся на ветру

(она уже отчаялась и решила спать так, надеясь, что Эмбер ничего не заметит и ночью не будет дождя),

когда что-то вдруг шуршит прямо перед ней, и Дон почти вскрикивает от ужаса, думая, что это пума или еще хуже – Кристиан. Однако кто-то шепчет ее имя и просит не шуметь. Это Лукас: он светит себе в лицо и дурашливо улыбается.

– Решил, что помощь тебе не помешает.

– Вообще-то я не сделал ничего плохого, – рассказывает Лукас, помогая Дон достать брезент с кустов, куда его отнесло ветром. – Мой отец отправил меня сюда, потому что решил потренировать меня перед армией.

Дон щурится от яркого света фонарика.

– Стой... Так ты тут просто так?

– Да нет, не просто, – отвечает Лукас с улыбкой. – Ты не знаешь моего отца. У меня не было выбора.

– Да, но... – Дон оборачивается к расставленным по кругу палаткам, едва заметным в мерцающем свете костра. – Ты тут не потому, что ты трудный подросток. И ты не преступник.

Лукас снова смеется.

– А ты?

Дон медлит. Вообще-то она тоже не преступница, по крайней мере ее ни разу не задерживали. Однако законопослушной ее тоже не назовешь. Исповедоваться перед Лукасом она не собирается, уж точно не после *его* истории.

Но Лукас расценивает ее молчание как положительный ответ.

– Тебе нечего стыдиться. Мы просто неукротимые подростки. Идеальных людей не бывает.

Забавно слышать такое от Лукаса. Такое впечатление, что

он играет роль хорошего мальчика – всегда открытого, готового прийти на помощь и, как правило, всегда всем довольного, словно лабрадор, – со взъерошенными светлыми волосами, голубыми глазами и непринужденной улыбкой. Может, он тоже не идеален, но уж точно гораздо ближе к идеальности, чем Дон. Интересно, что подумал бы Лукас, признайся она, что спала с тридцатилетним наркодилером. Смотрел бы на нее такими же глазами?

Она качает головой, потом хватается за брезент, стягивает его с кустов и просит Лукаса:

– Помоги, пока Эмбер и этот упырь не пришли меня проведать.

Они снова перекидывают брезент через веревку, крепят его по углам, и тут Лукас тянет руку в карман и достает что-то металлическое и бренчащее.

– Колышки для палатки, – объясняет он, ухмыляясь и светя на них фонариком. – Выдали восемь, но мне нужны только четыре. Они точно будут держать крепче камней.

Дон смотрит на неожиданный подарок. Четыре новых колышка – они идеально подойдут для четырех маленьких отверстий по углам брезента.

– Наставники не будут беситься? – интересуется она.

Лукас пожимает плечами.

– Все возможно. Прячь их под камнями и вынимай по утрам до того, как Эмбер приходит с проверкой. Все равно через несколько дней тебе, скорее всего, выдадут палатку.

– Надеюсь. Скоро начнутся дожди, да?

– Как без этого? – Лукас протягивает ей колышки. – Не попадись.

Порыв ветра опять срывает брезент, уголок выскальзывает из-под камня и хлопает на ветру.

– Черт! – подпрыгивает Дон, хватается брезент и натягивает его через веревку. Тут она понимает, что дурацкие камни точно не спасли бы.

Лукас помогает натянуть брезент и снова протягивает колышки, улыбаясь так, как умеют только хорошие мальчики.

– Спасибо, – говорит ему Дон и принимает колышки, чувствуя тепло его тела на своей коже гораздо дольше, чем готова себе признаться.

Обычный день в лагере «Второго шанса» выглядит примерно так.

Подъем на рассвете. Утренние хлопоты (одеться, умыться, набрать воды, развести костер, приготовить завтрак). Завтрак (всегда скудный). Сбор вещей. Поход. Перерыв, чтобы выпить воды. Поход. Обед (тоже скудный). Перерыв, чтобы набрать воды. Поход. Перерыв, чтобы набрать воды. Поход. Привал. Вечерние хлопоты (поставить палатки / натянуть брезент, набрать дров, развести костер, приготовить ужин, – угадайте, какой опять, – набрать воды, помыть посуду, умыться, повесить повыше остатки еды). Отбой. Лечь под брезент, слушая звуки диких животных и пытаясь не думать о том, насколько они голодные.

Наконец можно попробовать уснуть.

Рассвет.

И всё по новой.

Еду и туалетные принадлежности приходится подвешивать на ночь на самых высоких деревьях, а это то еще удовольствие. Зато если полениться, к лагерю потянутся медведи, которые могут заглянуть даже к тебе в палатку или под брезент.

У Кристиана есть нож, у Эмбер – баллончик со спреем, отпугивающим медведей, а Эван и Брендон распускают слу-

хи, будто у Кристиана есть даже пистолет. Дон не хочет проверять, но надеется, что это все-таки правда, учитывая, что их Стая бродит невесть в какой глуши, в непосредственной близости от самых разных форм дикой жизни.

(Она пока что видела только одного медведя – одного *настоящего* медведя. Он был далеко, на густо поросшей травой поляне, и Эмбер, кстати, сказала, что это черный медведь, и он, возможно, боится людей не меньше, чем они его.)

Еще у Кристиана и Эмбер на всякий случай должны быть рация и аварийный радиомаяк, так что, если случится что-то ужасное, они смогут связаться с базой и предупредить соответствующие службы. Лукас говорит, что компания «Второй шанс» для своей программы арендует тысячи квадратных миль угодий, которые примыкают к какому-то национальному парку, а это еще миллион акров гор, лесов и отсутствия цивилизации.

– В общем, если мы заблудимся или пойдем не той дорогой, то, скорее всего, погибнем, – жизнерадостно заканчивает он.

Дон закатывает глаза, хотя вообще-то такая перспектива ее пугает. Они идут уже пять дней, и за все это время она не видела ни души, только ребят из группы. Она не замечает абсолютно никаких признаков жизни, кроме обрывков флуоресцентной маркировочной ленты, подвязанной кое-где на деревьях, чтобы подсказать наставникам, по какой тропе идти, да следов самолета высоко в небе, напоминающих, что

где-то далеко еще кипит жизнь.

Дон интересно, скучает ли кто-нибудь по ней.

Впрочем, никакого значения это сейчас не имеет.

По мнению Кайлы, у «Второго шанса» в лесу семь или восемь маршрутов.

– На каждый уходит по шесть дней, – рассказывает она Дон. – Как один большой цикл. Мы уходим на шесть дней, а потом возвращаемся к базе, берем еще еды и вещей и снова уходим. И так раз за разом, пока не сбрендишь или не заслужишь высший статус.

– Как получится, – хмыкает Лукас.

Никто никогда не видел тут других ребят, поэтому, если другие Стаи и есть, видимо, их разделили так, чтобы они не встречались. Кристиан и Эмбер никогда об этом не скажут.

– Ты тут уже несколько месяцев, – говорит Дон Кайле. – Если маршрутов всего семь, значит, ты уже ходила тут, так? Ты узнаешь эту дорогу?

Кайла одаряет Дон выразительным взглядом: *Ох, малышка!*

– Я узнаю *камни* и эти гребаные деревья, – отвечает она. – И затылок тупицы Кристиана. А вообще-то я всегда смотрю

под ноги. Ни я, ни ты не знаем, где мы сейчас. Этого не знают ни Лукас, ни вообще хоть один из нас. Мы давно тут заблудились. – Кайла щурится. – Именно это и нравится нашим дебилам-наставникам.

Заблудились.

Кайла права. Дон в лесу уже почти неделю, и если вдруг вся ее Стая исчезнет с лица Земли прямо в этот момент, она умрет в течение нескольких дней, если не часов.

У Кристиана есть карта, компас и рация, но Дон из гробаного Сакраменто. Пригорода Сакраменто. Она никогда не дружила с компасом. К тому же все камни и деревья выглядят для нее совершенно одинаково.

Это не совсем так. Иногда Стая проходит через дождевые леса – сырые, темные, терпкие, почва покрыта папоротниками и обнаженными корнями деревьев, о которые все запинаятся, а ветви высоких раскидистых деревьев так и норовят царапнуть по лицу, разорвать одежду и уцепить что-нибудь из дурацкого рюкзака, свернутого из брезента. А порой Стая забирается высоко в горы, – большие деревья остаются позади, а вокруг оказываются только чахлые вечнозеленые деревца да голые скалы, так что можно увидеть все на мили вокруг – то есть миллионы деревьев и одинокие горы вдаль. Высоко в горах никаких тропок нет; Кристиан ведет их по каменным долинам – вверх, к скалистым пикам, и вниз, в крутые ущелья, – по пирамидкам, выложенным из камней каждые тридцать футов. Иногда Кристиан не находит очередную пирамидку, и тогда все расходятся и ищут дорогу.

Обычно этим занимаются Эмбер с Лукасом и Дон. Уорден, Эван, Брендон и Кайла помогать не торопятся: они хохочут над наставниками и кидают камни с горы, а Бриэль просто тихо стоит сама по себе.

В горах ветрено. Холод, высота, бесплодность и непривычные пейзажи нервируют Дон, поэтому она помогает Лукасу и наставникам искать следующую пирамидку. Словно голос в ее голове говорит ей: *Тебе здесь не место* – и чем быстрее они снова спустятся к дождевым лесам, тем лучше.

Горы рожают в Дон дурные предчувствия. Однако дождевые леса ненамного лучше, чем бурные реки, которые они переходят, балансируя по перекинутым стволам деревьев, утесы, по которым они ползут то вверх, то вниз, пытаясь сохранить равновесие, болотистые луга с липкой и вонючей грязью и постоянным комарьем и мошкой, неустойчивые камни и скользкие корни деревьев на тропе, неровная земля под туристическим ковриком, от сна на котором всегда болит шея, слишком холодные ночи и слишком жаркие дни, вкус озерной воды даже после фильтров, грязь на одежде, зловонный запах собственного немытого тела, свисающие тонкими прядями волосы, мозоли на ногах и укусы насекомых на всем теле, поддразнивания Кристиана и перешептывание Эвана и Брендона, жуткие звуки из ночной чащи и мысли о том, что делать, если Кристиан и Эмбер вдруг умрут или их не будет рядом и придется выживать в одиночку,

а кроме всего этого —

одинокчество.

У Дон много времени на раздумья, пока она борется с бесконечным марш-броском и чувствует, как медленно умирает от голода.

Бо`льшую часть времени она тоскует по дому. По Кэму, конечно, не очень, и на Венди она по-прежнему злится, ведь мать, похитившая и отправившая свою дочь в этот ад, не заслуживает того, чтобы по ней скучали.

Но по Брайсу, своему братишке, она скучает. А еще по ба, папиной маме, которая живет в Чикаго; хотя Дон видит ее нечасто, все равно любит больше всех на свете, за исключением разве что Брайса.

Дон истязает себя, думая о ба.

Она вспоминает, как ездила повидать ба в Чикаго прошлым летом, как постоянно навещала ее еще ребенком, и это было правда весело, как они гуляли по берегу озера, ходили по музеям, ели пиццу и просто проводили время вместе.

Она вспоминает, как не поехала к ба этим летом, потому что сбежала от родителей и застряла у Джулиана, но все равно искала способ связаться с ба и уехать к ней так, чтобы мама ничего не узнала, однако всегда появлялись дела поважнее и она так ничего и не сделала, а теперь уже поздно: все лето потрачено зря.

Потом Дон думает: лишь бы ее ба не заболела и не

ослабла, лишь бы с ней ничего не случилось! Но она все равно стареет, а Дон не увидит ее как минимум до следующего лета. Вдруг она упустила последний шанс повидать ба, потому что была слишком занята, напиваясь и обдалбываясь с Джулианом?

То ли из-за постоянной ходьбы и усталости, то ли из-за шока от нового опыта, или просто из-за постоянного одиночества эти мысли очень расстраивают Дон.

Возможно, в этом и состоит главная цель всего похода.

Еще Дон думает о Брайсе.

Она думает о том, что ее младший брат в этом месяце пошел в старшую школу и ему, возможно, ужасно страшно и не с кем поговорить.

Думает о том, что вся семья чуть не с самого его рождения прекрасно знает, что Брайс гей, но он пока не признается; хорошо бы ребята в старшей школе не стали над ним издеваться.

Думает о том, как одиноко и страшно было ей самой в старшей школе и что один лишь папа помог ей справиться с одиночеством и страхом, а у Брайса нет папы, к которому можно обратиться, а теперь нет и Дон.

Думает о том, что видела Брайса в последний раз, когда заставила Джулиана отвезти ее домой за платьем, которое ей вдруг захотелось надеть на концерт Поста Малона, и что Кэма с Венди не должно было быть дома, но они там были, однако Дон так набралась и ей так хотелось то платье, что она незаметно забралась в дом и нашла его; тем не менее весь план провалился, когда Кэм вышел из туалета, увидел ее и позвал по имени. Тут же из комнаты выбежала Венди, попыталась остановить Дон, завязалась потасовка, переросшая в громкую ссору, Венди схватила Дон за руку, Дон вырвалась, тогда Венди выхватила платье, и Дон крикнула что-то злобное. Венди крикнула что-то в ответ, между ними попытался вклиниться Кэм, чтобы разнять их. Кэм всегда совал нос в дела их семьи, хотя его никто не просил. Потом Дон все же вырвалась и, выбегая за дверь, краем глаза увидела в углу, на диване, Брайса: в его руках была книга, но смотрел он на Дон — с такой *печалью* и *страданием* на лице, что Дон на долю секунды замерла. Ей захотелось подбежать к нему, обнять и извиниться за то, какая она стерва и как мучает всю семью. Захотелось сказать ему, что вернется домой и точно останется, и все будет хорошо, все будет так же прекрасно, как во времена их детства.

Но, конечно, она повернулась к брату спиной и припустила к Джулиану, который ждал ее в своем джипе. Он газанул, а Кэм и Венди смотрели с порога, как Дон запрыгивает на переднее сиденье, держа в руках платье и даже не оглядыва-

ясь.

Хуже всего было то, что во время ссоры Венди и Дон порвали платье, так что Дон так и не смогла надеть его на концерт. Она засунула его подальше в шкаф Джулиана и больше никогда не видела. Наверное, платье все еще там, похороненное под мусором и грязным бельем, в ожидании выхода в свет, которого так и не случится.

Дон о многом думает во время ходьбы. Но только не о своем отце.

У нее просто не получается.

После шести дней похода, миллиона укусов насекомых и такого количества мозолей, что не сосчитать, Дон вместе со всей Стаей выходит вслед за Кристианом и Эмбер из дождевых лесов на открытую поляну. В дальнем ее конце стоят несколько зданий, за ними тянется проселочная дорога.

Дон узнает эти домишки. Именно сюда Стив привез ее из аэропорта, и именно тут ее раздела и обыскала Таня, забрав телефон и выдав кусок брезента. Это база «Второго шанса».

– Даже не думай, – говорит ей Кристиан, замечая мелькнувшую на лице Дон искру узнавания. – Мы пришли пополнить припасы, вот и все.

Не совсем так. Когда Стая выходит из леса, на пороге одного из домишек появляется Стив и машет Кристиану и Эмбер рукой. Он сдвигает большую дверь на шарнирах, и за ней Дон видит огромные запасы еды, одежды и других вещей, сложенных, как на складе.

Среди них и футболки. Много разноцветных футболок для Медвежьей Стаи.

– Халявная выдалась у ребят неделька, – говорит Кристиан, берет из кучи красную футболку и передает ее Эвану. – В этот раз мы повышаем только Эвана. Всем удачи на следующей неделе.

Эван выхватывает из рук Кристиана красную футболку,

сдирает с себя оранжевую и делает вид, что подтирает ею задницу. Он стоит с голым торсом, худой как скелет, и улюлюкает, глядя на Брендона, словно только что выиграл в лотерею.

– Выкуси, Брендо! – злорадствует он. – Черный Медведь! Видал?

Брендон в ответ показывает Эвану средний палец.

– Прикройся, педрила, всем противно на тебя смотреть.

Как сказал Кристиан, больше никого не повышают. Дон остается Медвежонком. Брендон по-прежнему Бурый Медведь, и по его лицу видно, что он не в восторге. Лукас и Бриэль остаются Черными Медведями; такое впечатление, что их это не слишком волнует.

А Белые Медведи просто в бешенстве.

Уорден и Кайла стоят позади всех и шепчутся, бросая на Кристиана и Эмбер косые взгляды. Дон решает, что, пожалуй, они имеют право злиться: она не уверена насчет Уордена, но Кайла здесь уже больше трех месяцев.

Кристиан держит меня при себе, потому что любит плясать на мою задницу, говорила Кайла. Дон начинает подозревать, что это правда.

После повышений (и не-повышений) вся группа пополняет припасы. Кристиан и Эмбер раздают каждому недельный запас еды и чистую одежду, а потом у каждого члена Стаи есть пятнадцать минут, чтобы почистить зубы и освежиться в маленькой ванной базы.

Все это для того, чтобы их можно было узнать по фотографиям, которые администрация «Второго шанса» рассылает семьям и надзирателям по УДО в доказательство, что их драгоценные чада и преступники-рецидивисты еще живы.

Дон хмуро смотрит в камеру и на стоящего за ней Кристиана, надеясь, что, когда Кэм и Венди увидят это фото, им станет невыносимо стыдно и они заберут ее домой раньше.

Но Кристиан только ухмыляется.

– Твои предки читали брошюры. Они в курсе, что у нас тут не детский лагерь. – Он бросает ей налобный фонарик. – Поздравляю с прохождением первой недели. Лови награду.

Дон смотрит на фонарик, не веря своим ушам.

– Награда? – переспрашивает она. – А где моя сраная *палатка*?!

Кристиан опускает фотоаппарат.

– Ах да, твоя *палатка*...

– Вы сказали, что если с брезентом проблем не будет, я больше не буду под ним спать, – заявляет Дон. – Вы так и сказали!

– Ну да, ты права, – говорит Кристиан, но по его слащавому голосу Дон тут же понимает, что он издевается. – Какой

же я дурак. Может, тогда забронировать тебе номер в «Рице»? Как тебе такая идея?

Дон упрямо смотрит на него.

– Вы обещали!

– Ты здесь всего шесть дней, – отвечает Кристиан, его голос вновь становится жестким. – Надо стараться усерднее, если хочешь заслужить палатку, Дон.

Он снова поднимает фотоаппарат. Оборачивается к остальным членам Стаи.

– *Следующий!*

Пополнение припасов и остальные действия занимают у них от силы пару часов. Кристиан и Эмбер просят группу собраться, и Дон всеми силами пытается запихнуть новую провизию в свой дурацкий самодельный рюкзак из брезента. Наставники что-то быстро обсуждают над картой и, очевидно, приходят к решению.

– Итак, Стая! – провозглашает Кристиан, распрямляя плечи. – Попрощайтесь с цивилизацией еще на неделю.

В ответ только ворчание да ругательства, которые каждый бубнит под нос. Но Кристиан ничего не слышит. Он уже исчез на тропе в дождевой лес.

В течение следующей недели ничего особенного не происходит. В этом вся прелесть «Второго шанса». Ты идешь и спишь, спишь и идешь, и всегда настолько уставший, измученный и голодный, что дни перетекают один в другой совершенно незаметно.

Стая блуждает по дождевому лесу, делая привалы на ночь, и, кроме новых мозолей и укусов насекомых, ничего не меняется.

Дон и Лукас стараются идти позади всех, но обычно за ними пристраивается Кайла, а иногда еще и Брендон с Эваном. Как правило, замыкает шествие Эмбер, следя, чтобы никто не потерялся – или не попытался сбежать.

Уорден всегда идет впереди Стаи. Он высокий, мускулистый и ловкий; кажется, что Брендона и Эвана так и тянет к нему. Они всегда где-то поблизости, но, так как Дон старается держаться от них подальше, к Уордену она тоже на всякий случай никогда не приближается.

У костра Уорден обычно помалкивает.

Парень себе на уме.

И довольно симпатичный.

Но Дон редко думает об Уордене. Она полностью поглощена Лукасом.

А Лукас забавный. Он рассказывает Дон смешные истории о прежней жизни дома, в Форт-Коллинсе. Ему нравится музыка кантри, и он поет ковбойские песни кошмарным йодлем, пока у Дон из ушей не начинается литься кровь и она не умоляет его замолчать. Но она все равно смеется, ведь вообще-то у него выходит и правда неплохо. Дон никогда ему не скажет, что он на самом деле хорошо поет, когда прекращает придуриваться.

(Даже когда он придуривается, его ужасные завывания отвлекают ее от мозолей, боли в мышцах и урчания в животе, к тому же так здорово хоть иногда посмеяться.)

Среди талантов Лукаса – довольно точно подражать голосу садиста Кристиана.

– *Медвежонок*, – обращается он к Дон, когда она еле тащится. – *Шире шаг, ты отстаешь.*

Именно это и именно так и сказал бы Кристиан. Лукас даже напускает на себя точно такой же вид: будто ему в задницу воткнули палку, которая поддерживает его голову.

Дон не прибавляет шаг, зато начинает смеяться.

И чувствует себя почти нормально.

На второй неделе к Дон и Лукасу подходит Эмбер.

– Лукас, – говорит она, – не возражаешь, если я поболтаю с Дон наедине?

Лукас как раз рассказывает какую-то историю голосом Кристиана.

– Да не вопрос, – отвечает он случайно тоже голосом Кристиана, тут же краснеет и начинает паниковать. – Вот черт. Извини.

Эмбер смеется.

– Да ничего. Это же Кристиан, да? Очень похоже.

Лукас опускает взгляд.

– Пожалуйста, не понижай меня.

– И не собиралась, – закатывает глаза Эмбер. – Не парься. Только постарайся, чтобы Кристиан тебя не услышал, иначе ходить тебе в Медвежатах всю жизнь.

Лукас вздыхает с облегчением.

– А теперь я могу остаться наедине с Дон? – просит она еще раз.

Лукас кивает.

– Да, конечно. Я правда искренне извиняюсь.

Он слегка прибавляет шаг, чтобы догнать впередиидущих. Подходит к Кайле. Дон видит, как он заводит с ней разговор, и чувствует невероятную ревность.

Тут ее плеча касается Эмбер.

– Ну что, Дон, как у тебя дела?

Глупый вопрос. Ответ очевиден.

Как у меня дела? Меня изгнали в леса, чтобы я ходила по ним, пока не умру, Эмбер. Я ненавижу весь мир.

Дон понимает, что Эмбер не устроит фраза «Я ненавижу весь мир» в качестве ответа на вопрос. Она пожимает плечами.

– У меня болят ноги. Я дико хочу есть.

Эмбер смотрит на Дон внимательно.

– Ясно.

Словно она ждала услышать нечто большее, чем просто жалобы.

Наконец Дон вздыхает.

– Пожалуй, все нормально. Я хочу домой, но сомневаюсь, что вы меня так просто отпустите, так что пофиг.

– Да ладно тебе! Ты же не хочешь уехать прямо сейчас? Разве тут не здорово?

В этот раз Дон смотрит в упор на Эмбер, и та в конце концов качает головой.

– Да, ты права, мы не можем тебя отпустить. Пока ты не станешь Гризли. Но ты обязательно станешь. Я обещаю.

– Ладно, как скажешь. Ты об этом хотела поговорить?

Есть и другая сторона «Второго шанса», о которой я еще не упоминал. Это тот момент, когда тебя пытаются вывести НА РАЗГОВОР о твоих ЧУВСТВАХ.

Тот момент, когда ты ВЫЯСНЯЕШЬ, почему ты так ЗОЛ и почему эта злость ВЫВОДИТ ТЕБЯ ИЗ РАВНОВЕСИЯ.

Иногда разговор происходит СО ВСЕЙ ГРУППОЙ, а иногда ОДИН НА ОДИН.

Прямо сейчас между Дон и Эмбер как раз и происходил разговор ОДИН НА ОДИН.

– В твоём досье сказано, что ты сбежала из дома, – начинает Эмбер, когда они идут по узкому и каменистому берегу реки. – Хочешь об этом поговорить?

– Не очень, – отвечает Дон. Она надеется избегать этой темы или вообще менять ее, пока не придет время обедать, ужинать, разбивать лагерь, пополнять припасы или возвращаться домой.

– Еще я знаю, что порой ты принимаешь наркотики, – про-

должает Эмбер. – Не расскажешь об этом?

– Нет, спасибо, – отвечает ей Дон.

– У тебя вроде и парень был. Намного старше тебя? Твои родители беспокоятся, что он плохо на тебя влияет.

– Ты имеешь в виду мою маму, – выпалила Дон, не подумав. – Нет никаких «родители». Мой папа умер.

Такое точно не следует говорить человеку вроде Эмбер. Дон тут же это понимает. Она видит, как Эмбер немедленно преобразается.

– Мне очень жаль. Это случилось пару лет назад?

Дон накрывает первая волна паники.

– Я не хочу об этом говорить, – отвечает она.

– Понимаю, – кивает Эмбер. – Правда понимаю. Но, знаешь, от разговора по душам тебе может стать легче. Нельзя держать такие чувства внутри.

Еще как можно, думает Дон.

– Представляю, как непросто тебе приходится, – продолжает Эмбер. – Судя по твоему досье, срывы у тебя начались как раз после смерти твоего папы.

Словно наждачной бумагой по нервам. Эмбер стирает ее в песок, заставляет корчиться.

– Я не хочу говорить об этом, – повторяет Дон. Она пытается закрыться, притихнуть, замереть, притвориться мертвой.

– Ты неплохая девчонка, Дон, – произносит Эмбер. – В досье твоя мама пишет, что ты необычная, умная и добрая,

да я и сама это вижу. Если хочешь, я помогу тебе снова стать тем, кто ты и есть на самом деле.

Дон думает, что Эмбер ничего о ней не знает и уж точно не имеет права судить о том, как ей, Дон, нужно жить. Досье она прочитала!..

А еще ей хочется верить Эмбер. Ей хочется верить, что она найдет выход, выход без скандалов с мамой и секса с нар-кодилером. Ей хочется верить, что жизнь еще наладится.

Чего ей точно не хочется делать, так это говорить об отце. Не сейчас и не позднее. Ни с Эмбер, ни с кем другим. Она вообще не хочет о нем вспоминать – и точка.

Она просто не может.

– Я не хочу об этом говорить.

Похоже, Эмбер все-таки ее услышала.

– Ничего. – Наставница с широкой улыбкой касается плеча Дон. – Как-нибудь в другой раз.

Это вряд ли.

Дон ускоряет шаг, пытаясь догнать Лукаса и Кайлу.

И оставляет Эмбер ни с чем.

Проходит неделя. Бо́льшую часть времени Дон проводит с Лукасом. Она избегает Эмбер, а еще старательнее – Кристиана. Ее больше заботит то, как натягивать брезент. Она ест столько риса и чечевицы, сколько не ела за всю жизнь, но ей все равно мало.

Она ложится спать голодной.

Штаны начинают на ней болтаться.

Проходит неделя.

В конце недели Медвежья Стая опять плетется на базу, где их ждет новичок, уже одетый в ярко-желтую футболку Медвежат. Он стоит прямо у базы рядом с парнем, который забирал Дон из аэропорта, со Стивом. Наблюдает, как группа выползает из леса, и его глаза расширяются от изумления.

– Всем привет! – говорит Стив. – Знакомьтесь, это Алекс.

Алекс из Спокана. Он высокий и подтянутый, и Дон приходит мысль, что в лесу ему сложно не будет. Но он смотрит на Стаю, как на толпу зомби. Или как на заключенных из лагеря военнопленных.

Алекс не выглядит напуганным; он вообще не похож на парня, которого легко напугать.

Но по тому, как он смотрит на Дон и остальных, она понимает, что парень по меньшей мере нервничает.

Алекс рассказывает свою Историю.

– Я из Спокана, как сказал этот чувак, – говорит он Стае, пока они ждут, когда Кристиан сфотографирует их и раздаст провизию. – Это скорее не город, а гетто. – По его словам, его турнули оттуда за кражи. – Воришки, – говорит он, ухмыляясь. – Я да еще один парень, с которым мы типа встречались. Воровали все, что не было приколочено. Никакого насилия, просто нам было скучно. Типа на спор. Украдем какую-нибудь фигню, потом спрячемся и сосем. – Он встречается взглядом с Дон. – А потом нас поймали, и мой старик сказал, что во всем виноват я. А соцработник по таким делам спросил, не хочу ли я сходить в поход. Я сказал, что мне пофиг. – Он снова улыбнулся. – Неверный ответ.

Алекс не кажется несчастным оттого, что попал сюда. Он ведет себя довольно уверенно. И, похоже, знает, как упаковать выданные ему вещи в брезент.

Вроде бы Хороший Парень.

Уж точно не придурок.

(Дон интересно, надолго ли его хватит.)

На этой неделе Брендона повышают до Черного Медведя – возможно, только для того, чтобы Эван прекратил над ним издеваться. Над Уорденом и Кайлой сгущаются тучи. Даже Лукас выглядит подавленным.

Эмбер отводит Дон в сторону.

– Мы пока не можем тебя повесить, – говорит она Дон. – Хотя неделя прошла для тебя довольно неплохо. Так что мы с Кристианом решили, что ты заслужила награду.

Дон интересно, насколько Кристиан участвовал в принятии решения. Она думает, что ему вообще плевать. А вот Эмбер точно нет. Она даже *рада* за Дон, будто это невероятно важное событие в ее жизни.

Эмбер кладет руку ей на плечо.

– Идем. Награда ждет тебя внутри.

Она показывает на открытую дверь домишки. Поколебавшись, Дон вздыхает и идет вслед за Эмбер.

Награда довольно предсказуема:

а) походный рюкзак

или

б) палатка.

– И еда теперь у тебя будет лучше, – сообщает Эмбер. – Тебе больше не придется есть только чечевицу. То, что не получится забрать в этот раз, можно будет взять в следующий. Продолжай в том же духе – и ты быстро получишь все необходимое.

Палатка и рюкзак лежат на полу маленького склада, словно призы для какого-то телешоу. Дон переводит взгляд с одного на другое.

(Снова размышляя над тем, как она вообще докатилась до этого места.)

Эмбер слегка подталкивает ее локтем.

– Ну, какую награду выберешь?

Дон смотрит на палатку и рюкзак, и больше всего ей хочется обменять их на билет на самолет до Чикаго. Разумеется, это невозможно.

Она смотрит на улицу, на Стаю, члены которой расселись на траве, пользуясь возможностью хоть немного передохнуть. У каждого есть *и* рюкзак, *и* палатка.

Дон замечает взгляд Лукаса, он машет ей и тут же подбегает.

– Что такое?

– Дон пытается решить, какую из наград выбрать, – отвечает ему Эмбер, на праву беря на себя роль ведущей телешоу. – Может, посоветуешь ей что-нибудь?

Лукас (фанат телешоу) относится к вопросу со всей серьезностью.

– Да, таскаться с барахлом в брезенте довольно фигово, – отвечает он, скребя затылок, – но жизнь стала гораздо проще, когда я получил палатку. Теперь мошкара жрет меня в разы меньше.

– Значит, я должна выбрать палатку? – спрашивает Дон. – Ты это пытаешься сказать?

Лукас морщится, затем оборачивается и смотрит на небо, как будто ответ таится где-то в облаках.

– Я пытаюсь сказать, что, возможно, на этой неделе дождей будет не так много, верно? – Он выжидающе смотрит на Эмбер. – Да и мошкара к концу лета не такая жестокая.

Так, значит, мне лучше взять рюкзак? – хочет спросить Дон. *Ну же, чувак, помоги мне выбрать.*

Однако шанса задать вопрос у нее нет, потому что из офиса на склад выходит Кристиан, жуя на ходу буррито и почесывая себя по груди.

– Готовы выдвигаться? – спрашивает он Эмбер.

– Почти, – отвечает она. – Ждем, когда Дон выберет себе награду.

Кристиан продолжает жевать буррито. Аромат невероятный, и на долю секунды Дон готова убить его даже за половину. Но Кристиан крупнее, и у нее нет никакого оружия.

Кристиан снова чешется.

– Пора выходить, – говорит он Эмбер. – Если награда ей

не нужна, пусть не берет, я не против.

Эмбер кидает на Дон взгляд одновременно извиняющий-ся и раздраженный, хотя Дон не понимает, на кого та злится – на нее или на Кристиана.

– Мы быстро, Кристиан – говорит она. – Собирай остальных, мы сейчас закончим.

Кристиан доедает буррито.

– Не заставляйте нас ждать. Путь неблизкий.

Он лениво выходит на улицу, и взгляды Эмбер и Дон снова встречаются. Сейчас Дон уверена, что та злится определенно на Кристиана.

– Так что скажешь? – повторяет Эмбер менее жизнерадостным голосом. – Рюкзак или палатка?

Дон выбирает рюкзак. Она слишком устала завязывать все свои вещи в чертов кусок брезента, к тому же дождей, возможно, пока не будет, а если и будут, у нее все равно есть колышки Лукаса, которые удержат брезент.

По крайней мере, именно так она себя успокаивает.

Как обещала Эмбер, вместо пачки риса и прочей ерунды Дон получает нормальную еду. Эмбер выдает ей шесть маленьких коробочек, похожих на армейские припасы, – она

снова улыбается, точно ведущая телешоу. Эта улыбка наверняка взбесила бы Дон, если бы ее не тошнило от одного вида проклятого риса.

Так что Дон перекладывает все свои вещи в новый рюкзак и присоединяется к развалившейся на траве у базы Стае, готовой фотографироваться. А потом ей приходится встать и идти за Кристианом по маршруту новой недели.

– Маршрут вам точно понравится, – говорит он группе с мерзкой улыбочкой на лице. – Обещаю: неделя будет *незабываемой*.

Выбранный Кристианом маршрут ведет в дождевой лес по крутой узкой тропинке, напоминающей американские горки. С новым рюкзаком Дон проще, но когда она карабкается вверх, лямки больно впиваются в кожу через желтую футболку. Она устала, она хочет есть, она думает только о съеденном Кристианом буррито и решает, что даже за один его кусочек отдала бы и новый рюкзак, и чистую желтую футболку.

Но в ближайшем будущем Дон не предвидится ни одного буррито. Только лесная тропа.

Новенький, Алекс, справляется довольно неплохо – иногда Дон и не ожидала. Его желтая футболка мелькает рядом с Кристианом и Уорденом во главе Стаи, хотя у него вместо рюкзака набитый вещами чертов кусок брезента.

Дон уже его ненавидит.

На ночь Стая разбивает лагерь на берегу небольшого озера, которое от уходящего вверх по склону леса отделяет каменная насыпь с разбросанными тут и там валунами размером с целый грузовик, отчего пейзаж напоминает скорее Мордор. Через сотню футов вверх по склону лес заканчивается, а за ним прямо в небо упирается отвесная скала, поросшая мхом. Рядом из-за деревьев выныривает скалистый хребет, который с последними лучами солнца все плотнее оку-

тывают тучи. Место выглядит абсолютно пустынным, бесплодным и скучным; Дон ежится, надеясь, что им не придется лезть наверх.

– Гора Пук. – Голос Лукаса до ужаса пугает ее, выводя из задумчивости. Дон еле сдерживает вскрик и поворачивается, чтобы хорошенько толкнуть его.

– Больше так не делай! – говорит она рассерженно, но вся ярость тут же улетучивается, как только она видит широкую белоснежную улыбку Лукаса. – Что? – переспрашивает она. – Ты сказал – гора Пук?

Лукас торжественно кивает.

– Да, мэм. Пишется так же, как и произносится.

– Ты про вон те скалы? – Дон указывает на каменистый склон.

– Нет, гору Пук пока что не видно. Ее все еще закрывают деревья. Но если завтра в горах будет не особо облачно, ты ее увидишь. – Лукас снова улыбается. – Она тебя до усрачки напугает.

Вообще-то после таких слов Дон начинает нервничать, однако притворяется, будто ничего особенного не услышала.

– Что за гора такая – Пук? И почему я должна ее бояться? – спрашивает она. – У нее ведь на самом деле другое название, да?

– Может быть, откуда мне знать? Никто ни разу не говорил ее настоящего названия, так почему бы не назвать ее горой Пук?

– Ты говоришь, как Эван с Брендоном. Пук да пук! Тебе что, двенадцать?

Улыбка испаряется с лица Лукаса.

– Я просто хочу сказать, что гора жуткая. И я назвал ее горой Пук, чтобы типа сбавить напряжение, сечешь? Потому что вблизи она выглядит пугающе, сама увидишь.

Дон снова вглядывается в деревья, хотя темнота становится все гуще и у нее точно нет шансов увидеть гору, как бы та ни называлась.

– С чего ты взял, что мы пойдем именно туда?

– Эта тропа ведет только в одном направлении. Спроси Кайлу или Уордена: они уже тут ходили. Да любого спроси: думаешь, почему Кристиан такой довольный? Он знает, что это будет настоящая пытка. Три дня, чтобы добраться до вершины, три дня, чтобы опять спуститься к лесам. Это самый сложный маршрут; можно сказать, мы еще никуда и не ходили.

Лукас больше не похож на большого счастливого пса. Наоборот, он кажется довольно напуганным.

– А ты тут уже ходил? – спрашивает его Дон. – Ты уже взбирался на эту гору?

(Она не называет ее горой Пук.)

Лукас качает головой:

– Нет.

– Так откуда ты знаешь, что это сложно? Может, просто заливают.

– Спроси Кайлу. Она была тут в первый же свой месяц. Говорит, вершина так высоко, что там все лето лежит снег. Половина Стаи чуть не замерзла до смерти.

Дон молчит.

– Ну да, может, она и врет, – продолжает Лукас после паузы. – В любом случае скоро мы все сами узнаем.

Он отходит, а Дон наблюдает, как ночь окрашивает верхушки деревьев в темные цвета, и ощущает неожиданную прохладу в воздухе.

Именно в этот момент она слышит медведя.

На небольшой поляне недалеко от лагеря Дон собирает ветки для костра и сначала думает, что звуки издает где-то за деревьями один из членов Стаи. Может, кто-то из мальчишек или даже сам Кристиан. Но кто-то определенно очень большой.

Она смотрит, как раскачиваются верхушки деревьев, и слушает, как шумят листья. А потом срабатывает какой-то инстинкт: живот скручивает, и она начинает понимать, что ни один подросток – и даже взрослый – не сможет ломать столько ветвей сразу и с такой легкостью.

– Кто там? – кричит Дон в сторону кустов.

Ответа нет, и ей вдруг кажется, что вся остальная группа куда-то исчезла, оставив ее наедине с тем, что неумолимо и тяжело движется ей навстречу.

И вот деревья заканчиваются, и на маленькую поляну к Дон выходит медведь.

Это черный медведь. Эмбер заверяла, что на маршрутах «Второго шанса» гризли нет, и это хорошо, потому что Кри-

стиан клянется, что медведи гризли с радостью убивают и жрут людей.

(А черные медведи, по словам Эмбер, просто не любят, когда их тревожат.)

Черный медведь еще не заметил Дон. Он обнюхивает кусты, фыркая и сопя, и хотя кажется просто огромным и способен убить Дон одним взмахом лапы, все равно не выглядит злым. Ему будто и дела нет, что она рядом. Дон начинает верить, что он, возможно, пройдет мимо, даже не заметив ее. Даже не попытавшись ее сожрать.

Затем она переносит вес с одной ноги на другую, и под ее ботинком трещит ветка. Медведь замирает и смотрит через поляну прямо на нее.

Дон слышит низкий рык где-то глубоко в его пасти.

Одна из книг, с которой Дон таскается по лесам, называется «Как не стать чьей-то пищей». И это единственная из книг, которую она удосужилась прочитать – в основном потому, что она самая тонкая. Впрочем, Дон и правда не хочет стать чьей-то пищей – медведей, пум, волков или других тварей, что скрываются в лесной чаще.

К тому же Эмбер постоянно талдычит о том, как вести себя с медведями, так что Дон немного знает, что делать с незванным гостем.

Например, она знает, что нужно оставаться спокойной. Знает, что нужно говорить с медведем, дать ему понять, что она не еда.

– Здравствуйте, мистер Медведь, – говорит Дон, надеясь, что медведь не замечает дрожи в ее голосе. – Я просто безобидная девочка, я не твой ужин.

Судя по книге, это должно убедить медведя, что ему лучше убраться подальше. Но если медведь не сдвинется с места, то, насколько Дон помнит, надо занять как можно больше места и медленно двигаться назад.

После приветствия Дон медведь и не думает куда-то идти.

– Прошу не есть меня, мистер Медведь! – Дон машет руками над головой и делает шаг назад, стараясь, чтобы ее голос звучал спокойно, а движения оставались медленными.

Медведь снова рычит, уже громче, встает на задние лапы, внимательно смотрит на нее со своего конца поляны и широко зевает, демонстрируя капающую из пасти слюну и острые желтые зубы.

– Не ешь меня, мистер Медведь, – просит Дон. – *Пожалуйста.*

Медведь ее даже не слушает. Он опускается на все четыре лапы и движется в ее сторону. Хищник уже футах в тридцати и быстро приближается, быстрее, чем Дон пятится.

(«*Не беги, – сказано в книге. – Не кричи и не делай резких движений*».)

Дон сомневается, что в состоянии себя контролировать – она слишком напугана. Она боится еще и того, что может сейчас описаться.

Она. Из. *Пригорода. Сакраменто.*

Медведь продолжает надвигаться; она чувствует ужасную вонь из его пасти и смотрит прямо ему в глаза. Теперь он кажется ей злым и агрессивным, вряд ли способным испугаться ее дружеской беседы.

Дон продолжает отходить назад, пытаясь вспомнить, что ей делать дальше, когда натывается на бревно и теряет равновесие.

Падая, она замечает, что слева из-за дерева выходит *еще один* медведь, поменьше.

Медвежонок.

Вот тогда она понимает, что ей крышка.

Дон кричит.

«Медведицы крайне опасны, – сказано в книге. – Особенно если они воспринимают вас как угрозу своим детенышам».

Дон хочет объяснить приближающейся медведице, что она ни в коем случае не является угрозой. Что она буквально и сама Медвежонок. И мечтает спуститься с этой горы и сесть на самолет до Сакраменто.

Но она сидит на заднице, а медведица подходит все ближе. Время разговоров окончено.

«Если черный медведь нападает, – сказано в книге, – нападайте в ответ. Боритесь за свою жизнь».

Дон начинает шарить рукой в поисках оружия. Палки, камня, чего угодно. Медведица наступает, сопя и рыча, Дон кричит и слышит позади себя, где-то в чаще, голоса, но они звучат вдалеке, а медведица уже совсем близко.

Дон перебирается через бревно, о которое споткнулась. Находит отломленную ветку дерева и отчаянно машет ею перед животным, но ветка уже гнилая – она тут же ломается. Теперь Дон плачет и кричит до боли в горле.

– На помощь! Черт, помогите же мне!

Медведица нависает над ней. Огромная – кроме нее, Дон ничего не видит. Кроме ее тяжелого хрипа, Дон ничего не слышит. И неожиданно она понимает, как глупо ей придется умереть: в пасти медведя – *черного* медведя, – в дикой глуши

и, может, даже обмочившись.

Раздается выстрел.

Очень громкий.

Медведица замирает. Она забыла про Дон и смотрит куда-то ей за спину, когда раздается второй выстрел. Когда на поляну выскакивает Эмбер и ставит Дон на ноги. Когда Кристиан, и Лукас, и, возможно, еще кто-то выбегают у нее из-за спины, громко крича и размахивая руками.

Грохает третий выстрел, и Дон моментально глохнет.

Медведица осматривается, затем поворачивается к медвежонку, который в ужасе бежит подальше от поляны. Она разевает пасть, и из нее раздается какой-то звук, однако Дон его не слышит, потому что все еще оглушена грохотом выстрелов.

Медведица разворачивается и убегает вслед за своим детенышем.

Один раз она останавливается, оглядывается, и ее взгляд снова обращается к Дон. Она долго на нее смотрит, будто заглядывая в самую душу.

А потом опять разворачивается и исчезает среди деревьев.

– Я не понимаю, – говорит Дон, когда Эмбер и Лукас помогают ей добраться обратно к костру после неудачных попыток убедить наставников прекратить поход и увести группу из медвежьего края к цивилизации. – Если Кристиан стрелял в медведицу, почему она не была ранена?

Кристиан смеется, он ничуть не встревожен.

– Я не стрелял в медведицу.

Дон смотрит на него в изумлении:

– Да какого хрена? Я слышала выстрелы!

Кристиан сует руку в карман и достает оттуда нечто, размером и формой напоминающее ручку.

– Шумовой баллончик, – поясняет Эмбер. – По звуку похож на выстрел из ружья. Обычно этого хватает, чтобы отпугнуть медведя.

– *Обычно*, – повторяет с ухмылкой Кристиан.

– А если он не помогает, есть еще спреи, – поспешно добавляет Лукас. – Ведь так? У вас же есть с собой хотя бы спреи, да?

– Конечно, – отвечает Кристиан, и Дон кажется, что он смотрит ей в глаза точно так же, как смотрела медведица. – Обычно они тоже отлично помогают.

Дон дрожит, вглядываясь в огонь костра. Она твердо знает, что больше никогда не заснет.

Дон по-прежнему бесит спать под брезентом, и мысль о новом рюкзаке уже не спасает, тем более что, когда солнце заходит, становится уже ощутимо холодно. Большую часть ночи она проводит, свернувшись в спальном мешке, – дрожа от холода, прислушиваясь к шелесту деревьев на ветру, хрусту веток и переживая, что медведица вернется.

А когда она устает переживать из-за медведей, она начинает переживать из-за горы Пук.

Конечно, Дон ничего не знает о горе Пук, кроме этого глупейшего названия, поэтому очень быстро переходит к своим *главным* переживаниям – увидит ли она когда-нибудь свою ба и дразнят ли Брайса в школе. Она чувствует себя бесполезной и беспомощной, одинокой, голодной и грустной.

(И замерзшей. Очень замерзшей.)

Успевает она позлиться и на Кристиана с Эмбер вместе со всей их группой дебилов. На медведицу – за то, что пыталась ее сожрать, на Лукаса – за то, что напугал ее горой Пук. На Венди – за то, что вышла за Кэма, на Кэма и Венди вместе – за то, что похитили ее и отправили в это ужасное и невыносимо холодное место. А когда она перестает злиться на каждого, о ком думает, то обращает весь свой гнев на того, кто заслуживает этого больше всего.

(И это сама Дон.)

Если бы не Дон, папа был бы жив.

И весь тот кошмар, что выпал Дон после его смерти...

Поделом ей, заслужила.

Во «Втором шансе» нет кофе.

По-моему, об этом еще не было сказано ни слова.

Конечно, Кристиан пьет кофе по утрам, но кроме него – никто. Даже Эмбер, хотя Дон уверена, что по собственному выбору.

Есть что-то вроде травяного чая – слабого, как моча, и совершенно не подходящего для пережитого потрясения. Так что сейчас, да и почти каждое утро, Дон нужен двойной эспresso, а желательно – еще и глоток «Джека Дэниелса».

Виски во «Втором шансе» тоже нет.

(Еще бы.)

Так что на следующее утро Дон выползает из-под брезента с тяжелой головой, зато каким-то чудом не съеденная медведями, и вместе со Стаей приступает к утренним ритуалам, (одеться, почистить зубы, пописать где-нибудь в кустиках, набрать в свою бутылку воды, развести костер, приготовить завтрак и т. д. и т. п.),

а затем складывает свой брезент в новый рюкзак (который уже покрыт мелкими каплями грязи, как и новая желтая футболка).

Ребята заливают костер, выстраиваются за Кристианом, и он ведет их снова в леса, через медвежий край, по узкой звериной тропе, что вьется по берегу маленького озера вверх

по хребту.

К восьми утра Стая уже поднимается на верх хребта, и Дон надеется, что по крайней мере настоящие медведи остались позади.

Утро выдается хмурым, так что Дон не видит впереди горы Пук.

Она видит только длинный изогнутый хребет, где нет ничего, кроме голого камня. По обеим сторонам горный хребет упирается в редкий лес и широкие пустые долины. Никаких признаков жизни человека нет.

(Ты не должна быть здесь.)

Стая делает короткую передышку, чтобы набрать воды. Дон тщетно пытается рассмотреть сквозь туман хоть какие-то очертания горы Пук. Потом Кристиан говорит им, что пора двигаться дальше, и они идут по хребту от одной пирамидки к другой – длинная вереница никому не нужных под-ростков, зевающих и спотыкающихся на пути непонятно куда.

Дон *очень* устала. Она изо всех сил старается переставлять ноги, не упасть в ущелье и не подвернуть лодыжку на камнях. Она идет следом за Эваном, и это подрывает ее последние душевные силы. Так что она почти не замечает, что происходит вокруг.

(Позже она *очень* об этом пожалеет.)

Например, она не замечает, как гряда, по которой они идут, через пару часов переходит в другую гряду. Она не замечает, что есть только одна нормальная дорога, ведущая через это самое ущелье, с которого она старается не сорваться, и что их маршрут не так уж очевиден. Она не замечает, как Лукас прибавляет шаг и говорит о чем-то с Алексом, оставив ее позади, и она *уж точно* не замечает, как Уорден отстает и плетется в самом хвосте Стаи, хотя обычно вышагивает впереди всех.

Сейчас Дон сосредоточена только на том, чтобы просто идти.

И оказывается на волосок от смерти.

Так получилось, потому что она устала. Почва скользкая, ноги ноют, новый рюкзак держится на спине неправильно, а Дон пытается хоть как-то упростить спуск по прорезающему хребет на две части каменистому ущелью.

Честно говоря, было бы дико страшно, даже если бы ты не валился с ног от усталости и даже если бы у тебя на ступнях не было мозолей. Дон стоит на краю вершины и смотрит вниз на кое-как протоптанную тропку, ширины которой едва хватает, чтобы на нее можно было ступить в ее ботинках шестого размера¹, гораздо меньшего, чем у большинства членов Стаи. С одной стороны твердый камень, с другой – отвесный спуск, усеянный острыми камнями и низкими кряжистыми деревцами, которые, пожалуй, могут проткнуть человека насквозь. Даже Кристиан и Эмбер идут медленно: Эмбер то и дело озабоченно смотрит назад, на Дон, и кричит что-то типа «Старайтесь придерживаться рукой!» или «Не торопитесь!» и «Все будет хорошо!».

Тебе легко говорить, думает Дон. Тебе за эту фигию платят.

Но все равно цепляется за выступы и постоянно ищет опору, стараясь не смотреть вниз и не думать о возможном па-

¹ Шестому размеру соответствует российский 36,5. – Здесь и далее примеч. пер.

дении. У нее все получается, пока она не доходит до места, где тропа буквально *заканчивается*, а дальше – пустота под ногами и пара выступов, чтоб ухватиться рукой, ну а после – вообще ничего, только воздух и огромная высота. Чтобы добраться до следующей части тропы, нужно отпустить выступ, развернуться и ступить назад, вниз, пытаясь вслепую нащупать ногой более или менее надежную опору.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.